

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

АЙРА ЛЕВИН

ТАКОЙ ЧУДЕСНЫЙ
ДЕНЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л36

Серия «Фантастика: классика и современность»

Ira Levin

THIS PERFECT DAY

Перевод с английского *А. Юшенковой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств
Harold Ober Associates Incorporated и Andrew Nurnberg.

Левин, Айра.

Л36 Такой чудесный день : [фантастический роман] / Айра Левин ; [пер. с англ. А. Юшенковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-094102-5

В мире будущего человечество упорядочено и сплочено в единую Семью, управляемую и обслуживаемую суперкомпьютером. Общество, защищенное от проблем: расы генетически усреднены — темные волосы, средний рост, чуть раскосые глаза, дождь идет в ночные часы, чтобы не мешать горожанам, а наркотик, обязательный для всех и каждого, гарантирует хорошее самочувствие.

И неужели в этой блестяще отлаженной схеме у кого-то может возникнуть недовольство или, хуже того, склонность к бунту?

Оказывается, это возможно.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ira Levin, 1970

 Школа перевода В. Баканова, 2017

ISBN 978-5-17-094102-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

В такой чудесный день
Мне повторять не лень:
Вуд, Уэй, Иисус и я —
Все вместе мы Семья.
Погиб Иисус и Вуд,
А Уэй и ныне тут,
Где парки и сады,
И больше нет вражды.

(Считалочка для игры в мяч.)

Часть первая

ДЕТСТВО

Глава 1

Посреди белых бетонных зданий, которые чем дальше от центра, тем становились ниже, расположилась широкая розовая площадка, где около двухсот детей играли и делали упражнения под присмотром десятка воспитателей в белых комбинезонах. Ребята, голенькие, загорелые и черноволосые, лазали сквозь красные и желтые цилиндры, качались на качелях и занимались вместе гимнастикой. В тенистом уголке, на плитах, выложенных мозаикой для игры в «классики», пятеро сбились в тесную, тихую кучку. Четверо слушали, один говорил.

— Они ловят зверей, едят их мясо и носят шкуры, — произнес рассказчик, мальчик лет восьми. — И еще они... это называется «дерутся», специально делают больно — руками, камнями и всякими штуками. Они друг дружку совсем не любят и никому не помогают.

Слушатели широко раскрыли глаза. Девочка помладше усомнилась:

— Браслет не снимается. Никак. — Она потянула пальцем свой собственный, показывая, какой он прочный.

— Снимается, если есть инструменты, — ответил мальчик. — Ведь снимают, когда добавляют звенья.

— На одну секундочку.

— Но ведь снимают?

— А где они живут? — поинтересовалась другая девочка.

— На вершинах гор. В глубоких пещерах. Везде, где их не найти.

— Они, наверно, больные, — сказала первая девочка.

— Конечно! — рассмеялся мальчик. — «Неизлечимый» — значит больной. Их называют неизлечимыми, потому что они очень-очень больные.

Младший из кружка, мальчик лет шести, спросил:

— А терапия?

Его старший товарищ посмотрел презрительно.

— Без браслетов? В пещере?

— Почему они болеют? — продолжал шестилетний мальчик. — У них ведь есть терапия, пока они еще не убежали?

— Терапия не всегда помогает.

Шестилетка изумленно выпучил глаза.

— Всегда.

— Нет.

— Вот те раз! Вы почему сидите так близко? — К ним подошла воспитательница с волейбольными мячами под мышками. — Во что играете? «Где спрятался кролик»?

Дети мгновенно отпрянули друг от друга, образовав круг пошире, — все, кроме шестилетнего мальчика, который не двинулся с места. Воспитательница посмотрела на него с любопытством.

Из динамиков донеслась короткая трель.

— В душ и одеваться, — велела воспитательница, и дети бросились прочь.

— В душ и одеваться! — крикнула она ребятам, игравшим в мяч.

Шестилетка встал, а она присела и озабоченно посмотрела на его хмурое, несчастное личико.

— Что случилось?

Мальчик, левый глаз которого был карим, как у всех, а правый — зеленым, заморгал.

Воспитательница бросила мячи, повернула запястье малыша, взглянула на браслет и мягко взяла его за плечи.

— В чем дело, Ли? Ты проиграл? Ты же знаешь: проиграть и выиграть — одно и то же.

Мальчик кивнул.

— Главное, что весело и полезно для здоровья, верно?

Мальчик снова кивнул и слабо улыбнулся.

— Уже лучше. Немного лучше. Ты больше не похож на старую грустную обезьянку.

Он улыбнулся пошире.

— В душ и одеваться. — Она облегченно развернула его и шлепнула по попе. — Давай, бегом!

Мальчик, которого иногда называли Скол, а чаще Ли, — цифройя Ли РМ35М4419 — за ужином не проронил почти ни слова, зато его сестра Мира болтала без умолку, и родители не заметили молчания сына. Мать внимательно в него вгляделась, только когда все четверо сидели перед телевизором.

— Скол, у тебя что-то болит?

— Нет.

— Молчит весь вечер, — повернулась она к отцу.

— У меня ничего не болит, — повторил Скол.

— Тогда почему ты такой тихий?

— Ш-ш, — прервал отец.

Экран вспыхнул, настраивалось изображение.

Когда первый час подошел к концу и детям пора было спать, мама направилась в ванную, где Скол уже почистил зубы и отсоединял головку щетки от ручки.

— Что случилось? Кто-нибудь дразнил тебя из-за глаза?

— Нет, — ответил он и покраснел.

— Сполосни, — сказала она.

— Я сполоснул.

— Сполосни!

Он сполоснул чистящую головку, выпрямил ее и повесил на место.

— Иисус сказал. Иисус ДВ. Когда мы играли...

— Что сказал? Про глаз?

— Нет. Никто не говорит про глаз.

— Тогда что?

Скол пожал плечами.

— Про товарищей, которые... болят и уходят из Семьи. Убегают и снимают браслеты.

Мать встревожилась.

— Про неизлечимых?

Он кивнул, еще больше волнуясь оттого, что она нервничает и что знает слово.

— Это правда?

— Нет, не правда. Нет. Я позвоню Бобу. Он все тебе объяснит.

Она поспешно вышла, на пороге чуть не задев Миру, которая застегивала пижаму.

— Две минуты. Они легли? — спросил в гостиной ее муж.

— Кто-то из детей рассказал Сколу про неизлечимых.

— Злость побери!

— Я звоню Бобу.

— Девятый час.

— Ничего, придет. — Она коснулась браслетом панели телефона, произнесла вслух цифрой «Боб НЕ 20Г3018», напечатанное красными буквами на карточке под экраном, и нервно потеряла руки. — Я чувствовала, что с ним что-то не так. За весь вечер не сказал ни слова.

Отец встал и направился к двери.

— Пойду поговорю с ним.

— Пусть лучше Боб! Уложи Миру, она еще в ванной!

Двадцать минут спустя пришел Боб.

— Он у себя, — сказала мать.

— Вы оба смотрите телевизор. Садитесь, садитесь. — Он улыбнулся. — Волноваться не о чем. Поверьте. Такое случается сплошь и рядом.

— До сих пор? — спросил отец.

— Конечно. И через сто лет будет то же самое. Дети есть дети.

На их памяти Боб был самым молодым наставником, — ему не исполнилось и двадцати двух; только год, как окончил Академию, а ни малейшей робости, наоборот: спокойствию и уверенности позавидовали бы пятидесятилетние.

Боб заглянул в комнату Скола. Мальчик лежал на кровати с книжкой комиксов, подперев подбородок рукой.

— Привет, Ли.

— Привет.

Боб вошел и сел на край кровати. Поставил телекомп на пол, придерживая ногами, потрогал лоб мальчика и потрепал его по волосам.

— Что читаешь?

— «Жизнь и борьба Вуда». — Скол показал обложку. Потом уронил книгу на кровать — она закрылась — и указательным пальцем принялся водить по толстой желтой букве «В» в слове «Вуда».

— Я слышал, кто-то наплел тебе ткань про неизлечимых.

— А это ткань? — спросил Скол, не отрывая глаз от пальца.

— Да, Ли. Когда-то давным-давно было правдой, а теперь нет, теперь — просто ткань.

Скол молчал, ведя пальцем по букве в обратную сторону.

— Медицина и химия теперь более развиты, — промолвил Боб, не сводя с него глаз. — Лет пятьдесят после Унификации товарищи — очень немногие — иногда заболели, и им казалось, что они больше не товарищи. Некоторые убегали на пустынные острова, в горы, которые Семья не использовала, и жили там в одиночестве.

— Они снимали браслеты?

— Полагаю, да. Зачем браслеты, если все равно нет сканеров, куда их прикладывать? Верно?

— Иисус сказал: они... как это... «дрались».

Боб на секунду отвел глаза.

— Да. Только лучше говорить «вели себя агрессивно».

Скол поднял глаза.

— Они уже умерли?

— Умерли. Все до единого. — Боб пригладил его вихры. — Это было давным-давно. Сейчас такого не случается.

— Потому что теперь медицина и химия больше развиты, и терапия помогает.

— Правильно. И не забывай: в то время было пять разных компьютеров. Стоило только заболевшему товарищу оказаться на другом континенте, с ним полностью теряли связь.

— Мой дедушка помогал строить Уникомп.

— Знаю, Ли. Поэтому следующий раз, когда услышишь про неизлечимых, помни две вещи: во-первых, терапия сейчас гораздо эффективнее, чем много лет назад, а во-вторых, Уникомп следит за нами по всей Земле. По рукам?

— По рукам, — улыбнулся Скол.

— Давай-ка посмотрим, что он скажет про тебя. — Боб поднял на колени и открыл телекомп.

Скол сел и придвинулся, засучивая рукав пижамы над браслетом.

— У меня будет дополнительная терапия?

— Если нужно. Хочешь включить?

— Я? А можно?

— Конечно.

Скол осторожно повернул рычаг большим и указательным пальцами. Загорелись лампочки — голубая, оранжевая, еще оранжевая. Улыбнулся.

Боб, глядя на него, тоже улыбнулся.

— Коснись.

Скол приложил браслет к считывающей панели, и синий огонек рядом с ней превратился в красный.

Проворные пальцы наставника стучали по клавиатуре, потом нажали «ввод»; на экране загорелась одна зеленая строка, другая. Мальчик смотрел, как Боб читает.

Тот взглянул искоса и улыбнулся.

— Завтра в 12:25.

— Хорошо! Спасибо!

— Спасибо Уни! — Боб закрыл телекомп. — Кто сказал тебе про неизлечимых? Какой Иисус?

— Начинается с ДВ33... С двадцать четвертого этажа.

Щелкнули фиксаторы телекомпа.

— Он, наверное, разволновался не меньше тебя.

— Можно ему тоже дополнительную терапию?

— Если надо. Я сообщу его наставнику. А теперь спать, братец, завтра в школу. — Боб положил книгу комиксов на тумбочку.

Скол лег и с улыбкой уткнулся в подушку, а Боб погасил лампу, снова взъерошил волосы мальчика и поцеловал его в затылок.

— До пятницы, — пробормотал Скол.

— Да. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

В зале родители Скола взволнованно встали ему на встречу.

— Он успокоился. Уже почти спит. Завтра в обеденный перерыв дополнительная терапия. Вероятно, немного транквилизатора.

— Просто гора с плеч, — произнесла мать.

А отец добавил:

— Спасибо, Боб.

— Спасибо Уни, — ответил тот и направился к телефону. — Надо помочь другому мальчику, тому, кто ему рассказал. — Он коснулся браслетом телефонной панели.

На следующий день после обеда Скол спустился из школы на эскалаторе на три этажа. Когда он коснулся браслетом сканера на входе в медцентр, индикатор заморгал зеленым разрешительным огоньком; снова зеленое подмигивание перед отделением терапии, и еще раз — на двери процедурной.

Из пятнадцати кабинок работали четыре, и очередь скопилась приличная. Вскоре, однако, Скол уже взобрался на специальную детскую подножку и, высоко засучив рукав, протянул руку сквозь резиновое отверстие. Он, как большой, держал ее неподвижно, пока сканер на той стороне присоединялся к браслету, а теплый и гладкий инфузионный диск скользил по мягкому предплечью. В аппарате заурчало, забулькало. Синяя лампочка наверху загорелась красным, инфузионный диск защекотал, зажужжал и ужалил. Лампочка снова стала синей.

В тот же день Иисус ДВ, мальчик, который рассказал Сколу про неизлечимых, нашел его на игровой площадке и поблагодарил за помощь.

— Спасибо Уни, — ответил тот. — У меня была дополнительная терапия. А у тебя?

— Да. И у других ребят, и у Боба ЮТ. Это он мне рассказал про товарищей, которые болеют и убегают.

— Немножко страшно.

— Мне тоже, — сказал Иисус. — Но теперь такого нет, это было давным-давно.

— Терапия сейчас лучше, — добавил Скол.

— И Уникомп следит за нами по всей Земле.

— Ага.

Подошла воспитательница и подтолкнула их к огромному кругу из пятидесяти или шестидесяти детей, стоящих на расстоянии вытянутой руки и передающих друг другу мяч. Круг этот занял больше четверти всей оживленной площадки.

Глава 2

Имя Сколу дал дедушка. Он всем им придумывал имена вдобавок к настоящим: свою дочь, маму Скола, вместо Анны называл Сюзю; папа был у него Майком, а не Иисусом (и считал это полной глупостью), а Мира — Ивой. Она страшно сердилась: «Не называй меня так! Я Мира! Мира КД37Т 5002!»

Дедушка Ян был странным. Со странной внешностью. Естественно — все старшее поколение отличалось выраженными особенностями: на несколько сантиметров выше или ниже положенного, слишком светлая или темная кожа, крупные уши, кривой нос. Дедушка Ян был и выше, и смуглее других, с большими выпуклыми глазами и двумя рыжеватыми прядями на седеющей голове. Он не просто странно выглядел — он странно говорил, в этом-то и заключалась его главная странность. Хотя дедушка всегда разговаривал бодро и энергично, у Скола возникало чувство, что он так совсем не думает, а думает как раз наоборот. К вопросу об именах, например.

— Изумительно! Чудесно! Четыре имени для мальчиков, четыре имени для девочек! Никаких ссор, все одинаковые!

Конечно, мальчиков называют в честь Христа, Маркса, Вуда и Уэя, как же иначе. Верно?

— Да, — ответил Скол.

— Еще бы! И коль скоро Уни дает четыре имени мальчикам, то и девочкам надо четыре, так? Естественно!.. Слушай! — Он остановил Скола, которому тогда стукнуло семь, присел и заговорил прямо в лицо, причем его глаза навывкате плясали, словно он вот-вот засмеется. (Был праздник, и они направлялись на парад по случаю Дня Унификации или Дня рождения Уэя.) — Слушай, Ли RM35M26D449977БЭЮЯ. Я расскажу тебе кое-что невероятное. Когда я был маленький — ты слушаешь? — существовало больше два-два-ти разных имен только для мальчиков! Представляешь? Правда! Клянусь любовью к Семье. Ян, Джон, Аму, Лев, Хига, Майк, Тонио! А во времена моего отца их было даже больше, может, сорок или пятьдесят! Вот умора! Имена разные, а товарищи-то все абсолютно одинаковые и взаимозаменяемые! Какая невероятная глупость, да?

И Скол кивал, запутавшись и чуя, что дедушка имеет в виду прямо противоположное и что сорок или пятьдесят разных имен для мальчиков — не глупо и не смешно.

— Только посмотри! — продолжал дедушка Ян, ведя Скола за руку через Парк единства к месту парада. — Совершенно одинаковые! Ну не чудо ли? Те же волосы, те же глаза, цвет кожи, фигура; мальчики, девочки — все одинаковые. Как горошины из стручка. Правда здорово? Разве не супер?

Скол покраснел (у него глаз зеленый, не как у всех).

— А что такое «горошины стручка»?

— Не знаю. Была такая еда, пока не появились макси-кейки. Шарья говорила.

Дедушка работал прорабом в ЕВР55131, в двадцати километрах от 55128, где жил Скол с родителями, и по воскресеньям и праздникам приезжал в гости. Его жена, Шарья, утонула во время крушения экскурсионного лайнера в 135-м, в тот самый год, когда родился Скол; больше он не женился.